ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Т.Б. Зайцевой «Художественная антропология А.П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киргегор», представленной к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Оценивая диссертацию Т.Б. Зайцевой, в первую очередь подчеркнем ее большую методологическую значимость, которая определяется сопряжением в работе философских и литературоведческих подходов. Это совершенно очевидно, поскольку соискательницей рассмотрено своеобразие художественной антропологии Чехова в ее генетических и типологических связях с экзистенциальной антропологией Киркегора. И, несмотря на философскую постановку актуальной темы, раскрывается она в литературоведческом аспекте, тем самым подтверждая возможности интеграции филологии и философии на современном этапе.

Но литературная антропология, как справедливо указывает сама Т.Б. Зайцева, требует особых подходов к художественному материалу. В этом плане опора на достижения философской мысли, по ее мнению, может способствовать обновлению литературоведческой методологии (см. с.20 диссертации), тем более, когда она используется при изучении «философской составляющей» словесного творчества.

Отсюда – серьезные методологические вопросы, продолжающие волновать литературоведов и философов. Первый: можно ли вычленить из произведений писателя «философскую составляющую» и считать, что это – его философия?

Совершенно очевидно, что философия художника не есть «составляющая» его сочинений – она их основа, их художественный итог и во всей полноте содержится и проясняется только в их целом. Философия писателя, заключенная в художественную форму, для того чтобы быть

понятой, должна быть проанализирована филологическими методами, поскольку содержится не в дискурсе, не в «прямых словах», а в творимых словами образах.

Второй вопрос, с которым неизбежно должен был столкнуться автор диссертации: равен ли художественный дискурс философскому? Ведь художник, в отличие от философа, не определяет свои базовые концепты очевидным образом. При прямом же философском рассмотрении в них улавливается тот смысл, который наличествует в источнике, выбранном для сопоставления, в данном случае, в философской антропологии Киркегора.

Какие ответы на эти вопросы мы находим в диссертации? Т.Б. Зайцева считает, что именно литературная антропология, используя методы философской антропологии, «может и должна соединить «скрупулезный анализ текста с философской интерпретацией сотворенного писателем человеческого бытия» (с.8). Содержание диссертации достоверно свидетельствует о том, что философия художника слова не выписывается из его текстов посредством простого цитирования, а выявляется благодаря литературоведческому анализу и интерпретации.

От методологии перейдем к оценке структуры и содержания диссертационной работы. Отметим добротность проведенного историографического обзора: от трудов Льва Шестова, Юлия Айхенвальда до исследований Рудольфа Нойхойзера, Марены Сендерович и других современных зарубежных и отечественных литературоведов. Правда, удивляет отсутствие, как в обзоре, так и в списке литературы, книги М.П. Громова «Чехов», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 1993 г. В ней ученый пишет, в частности, о масштабе и философском ранге мысли писателя, которой нужно соответствовать.

Также в первой главе диссертации, в которой обозначаются основные проблемы и подходы к изучению заявленной темы,

убедительным выглядит обоснование конкретного типологического подхода, проблематики литературных генетических и типологических связей Чехова и Киркегора, актуализация творчества русского писателя в контексте антропологического кризиса XXI века.

Здесь же проявляется хорошая философская подготовка соискателя, обнаруживающего глубокое понимание исканий Киркегора в эстетической, этической и религиозной сферах человеческой жизни, что позволило последовательно перейти к анализу типологии этиков и эстетиков во второй главе «Герои А.П. Чехова на стадиях жизненного пути».

В иронической драме «Иванов», повестях «Три года», «Черный монах», «Моя жизнь» выявляется оригинальное соотношение эстетического и этического модусов в экзистенциальных переживаниях чеховских героев в свете философии Киркегора. Так, образ Иванова отнесен к типу эстетика, типу героя-ироника, а образ Мисаила Полознева к типу героя-этика в киркегоровском духе. В результате можно было бы согласиться с выводом о типологическом соответствии экзистенциальных концепций Чехова и Киркегора, но возникает вопрос: как соотносятся эстетический и этический принципы существования героев Чехова с его авторской позицией?

В третьей главе подробно рассматриваются такие важнейшие для художественной антропологии Чехова экзистенциальные категории как скука, страх, отчаяние, смерть, любовь. Здесь в исследовательский оборот оправдано вводится эпистолярное наследие писателя, подчеркивается, что тот человек, которого отстаивал Сёрен Киркегор, – человек, находящийся в поисках подлинной экзистенции, – характерен и для в зрелого чеховского творчества.

В результате исследования основных категорий художественной антропологии Чехова выявляются их показательные переклички с

философией Киркегора. Так, весьма интересным представляется анализ двух форм скуки в чеховских письмах: ситуативной и экзистенциальной. Делается убедительный вывод о том, что тотальная скука, впервые исследованная с экзистенциально-психологической точки зрения Киркегором, томила и самого Чехова, и его героев.

В повести «Скучная история» обнаруживается не только сущностное сходство мотивов страха, отчаяния с киркегоровской философией, но и делается важный вывод о переводе экзистенциальной ситуации в сюжет литературного произведения. Новаторским в этом плане является, например, анализ хрестоматийного рассказа «Ионыч», который объявляется своеобразным Откровением Антона Чехова, апофатически направляющим к вере и Богу. В этом произведении, как показывает Т.Б. Зайцева, травестийно «свернут» библейский сюжет Книги пророка Ионы.

В целом, третья глава, как и вся диссертация, подтверждает продуктивность анализа произведений Чехова через призму философии Киркегора, в том числе в изображении «пограничных ситуаций» смерти и любви, действительно многое объясняющих в мироотношении чеховских героев.

В четвертой главе диссертации согласно ее логике рассматриваются пространственно-временные измерения человека в художественном мире А.П. Чехова: в частности, хронотоп повести «Моя жизнь», образы «бездомности» и «священного времени в драме «Три сестры» и рассказе «Студент». Наряду с достоверными суждениями и наблюдениями, не выбивающимися из традиционного контекста чеховедения, здесь есть много принципиально нового: так, в соответствующем параграфе через интертекстуальный анализ отражений притчи Киргегора и баллады Лермонтова «Три пальмы» обнаруживается апокрифический христианский источник сюжета драмы «Три сестры».

Также в последней главе в сопоставлении с Киркегором ярко показаны особенности временного существования чеховских героев-эстетиков и этиков, останавливающихся у религиозного порога. Особенности же авторской историософии, созвучной идеям датского мыслителя, наглядно раскрываются в ходе анализа рассказа «Студент».

Благодаря добротному комплексному анализу произведений Чехова, проведенному в экзистенциальном аспекте, убедительными и обоснованными представляются и главные положения диссертационного исследования, в особенности акцент на том, что художественная концепция Чехова, во многом перекликающаяся с философским учением Киркегора, выражена особыми средствами поэтики.

Таким образом, диссертационное исследование Т.Б. Зайцевой полностью подтверждает целесообразность и продуктивность литературоведческого анализа произведений Чехова в свете экзистенциальной философии Киркегора, благодаря чему ярко раскрыты неповторимые особенности индивидуального переживания бытия в творчестве русского писателя-классика.

Общее положительное впечатление от работы Т.Б. Зайцевой не портят отдельные мелкие недочеты: на наш взгляд, вряд ли корректно использовать выражение «русско-киркегоровские литературные параллели». Более адекватной, хотя и тяжеловесной выглядит формулировка «чеховско-киркегоровские параллели».

Не вполне корректной представляется и модальность речи соискателя, высказывающегося, например, так: «нам удалось выполнить свою главную задачу: убедительно и разносторонне вписать в литературно-философский контекст творчества Чехова имя первого европейского экзистенциалиста Сёрена Киркегора» (с.347).

В конечном счете, можно констатировать, что представленная Т.Б. Зайцевой работа выполнена в полном соответствии с паспортом научной

специальности, ее результаты соответствуют формуле специальности 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), пунктам 3, 7, 8, 17 области ее исследования.

Опубликованные по теме диссертации 52 ***статьи,*** из них 16 в рекомендованных ВАК РФ изданиях, в полной мере соответствуют её содержанию и основным выводам.

Диссертация «Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор)» соответствует требованиям ВАК Министерства образования и науки РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, в том числе п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г., а ее автор, Зайцева Татьяна Борисовна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой русской литературы
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»
Борисова Валентина Васильевна

Подпись В.В. Борисовой
Заверяю: Начальник отдела документационного обеспечения
ФГБОУ ВПО «БГПУ им. М.Акмуллы»

05.06.2015

450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а
8 (347) 273-38-81
kafedralit@gmail.com